

Феномен тирании есть комбинация железной жажды самоутверждения, безразличия к другим и малой компетентности во многом: в «Истории одного города» феномен, ежели его вообразить в качестве господина в партикулярном платье, схвачен за руку: мол, вот он каков...

Угрюм-Бурчеев, чья физиономия сочетает глупость и самодовольство, развернется противу всех: в том числе и природы, и тут уже не Аракчеев просматривается, а некто более значительный — в плане злоупотребления властью.

Все хороши: каков каталог развернувшейся летописи!

Перехват-Залихватский, Грустилов...

Опа!

Таких и не бывало — оно конечно, дано все сгущено, слишком сконцентрировано, но ведь из яви сии рожи, и вечные подданные, позволяющие воцариться таким, едва ли достойны уважения.

...крадется по земле оволосатевший, одичавший помещик: имение в запустении, да и кем был — уже не вспомнит...

А то — мужик громоздится на дерево, чтобы нарвать генералам сладких яблок, а себе взять одно — кислое.

Сколько пескарей премудрых вокруг!

Не пересчитать...

...а пролитый кисель глупости вылижет тощая коняга.

Много ли поменялось в человеческом общежитие?

Антураж — совсем иной, а нечто, живущее в нас, в наших сердцевинах остается прежним.

Не исправляет сатира, не меняет физиологию...

Иудушка, совмещающая в себе Иуду и душку, будет лебезить, улыбаться, врать; вырастут панорамы помещичьей жизни, в густой плазме которых вспыхивают разные события, и сатира перерастет в метафизику, в глобальное исследование человека, как феномена...

И останутся пламенеющие письма Щедрина: для всех поколений, всем потомкам.

2

Ядреные сказки, перерастая понятие сказки, становились притчами, и метафизика распускалась отчасти ядовитыми цветами.

А что?

Ведь типажи, данные Салтыковым, не переводятся вообще

(Ах, кабы литература могла врачевать общество...)

Дикий помещик — превратившийся в животное, обородатевиший, на четвереньках скачет по дорожке парка, и вечный мужик, сняв с яблони для генералов несколько спелых плодов, себе взял одно яблоко — кислое. Эй, мужик, очнись, генералы ведь без тебя и нужду справиться не сумеют!

Куда спрятался премудрый пескарь?

Выковырнуть его, заставить бороться!

Да нет, типаж зафиксирован на века, и веками продлится он, зачем-то обеспеченный генетически.

Хватило бы для бессмертия одних сказок — кратких, убийственных, великолепных, заряженных той энергией смеха, который...

Впрочем, общество, посмеявшись, продолжит жить своим монолитом.

И бытом.

Который, кстати, Салтыков-Щедрин — в реалистической своей ипостаси — передавал, как мало кто: менее избыточно, чем Толстой, но более богато, чем Чехов.

...и вот Порфирий Владимирович: Иуда и Душка: тот, кто снаружи, внешне, по нормам привычного телесного восприятия ласков и добр, а внутри — пылает Искариот...

Тартюф вечен, но Смердяков совсем «инакий», в нем больше метафизической амбивалентности, чем в Головлеве, который весь, в сущности, повязан чертовой «бытовизной».

Какая восстает со страниц романа заревом, где каждое волокно хочется пощупать, а всю галерею Головлевых многие видали в реальности.

...а не хотите административных восторгов?

Не случилось вам путаться в сумме коридоров, когда Иванов посылает к Петрову, Петров к Двадцатову, и будет лабиринт, запутанный похитрее критского, длиться до тех пор, пока не осуществится денежное влияние?

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин верил, что литература есть соль русской жизни, и размышлял мучительно, что будет, если перестанет она быть соленою.

Как бы ошарашен он был, увидев современный социум, где литературный спор не имеет большего значения, чем склока двух лавочников на захудалой окраине провинциальной дыры?

И то, что его наследие по-прежнему живет и играет красками, думается, не очень бы подсластило пиллюлю...

